

Дмитрий знал, что в городе есть люди, которые могли бы навещать его в больнице. Он был сегодня на той улице, но не зашел. «Лучше пойду к земляку Петрухе», — решил он.

— Кто там? — раздраженно спросил Петр, подойдя к двери.

Стоящий на лестнице деревенский житель не сразу нашел, что ответить.

«Чего ж он молчит-то?» — с досадой подумал Петр.

— Кто там? Что надо?

Незванный гость лихорадочно подбирал слова.

— Э-э... ну... это я, — выдавил наконец он.

— Кто это «я»? — спросил Петр, а про себя подумал: «Пьянчужка какой-нибудь, деньги пришел выпрашивать».

— Петь, это ты? Я это, Митяй, — ответил наконец гость.

Петр замер. Он не сразу понял, какой такой «Митяй», но вдруг явно вспомнил детство, на него повеяло теплым ароматом родного дома. «Земляк...» — подумал он и повернул ключ.

— Как? — радостно удивился Петр, узнав человека, с которым учился с первого класса до окончания училища. — Митяй, это ты? Сколько лет мы с тобой не виделись!

— Да вот уже больше десяти, — Дмитрий улыбался, лучистые морщины пронизывали его скуластое худое лицо.

— Митяй, дружище!

— Далеко же ты живешь, еле нашел, чуть не заблудился.

Стояло то чудесное время дня, когда в лучах фонарей все вокруг становилось синим. Катя всегда любила эти дни. Казалось, даже воздух становился чище, заботы и проблемы отступали. Ей казалось, что она готова идти так по улице, ни о чем не задумываясь, куда глаза глядят.

«Сейчас приду домой, приготовлю что-нибудь вкусненькое, а потом будет целых полтора часа, чтоб подготовиться к походу в театр», — думала она, поправляя волосы.

Еще на лестнице она услышала смех, доносившийся из их квартиры. Она открыла дверь своим ключом и включила свет. На вешалке висела поношенная болоньевая куртка, давно вышедшая из моды, на полу валялись ботинки и рюкзак. Из кухни выкатился муж Петя, в майке, веселый, довольный.

— Догадайся, Катенька, кто к нам приехал?

— Не знаю, дорогой. И кто же? — подавляя раздражение, спросила она.

Ей не хотелось обижать мужа: не каждый день к нему приходят гости. Катя сняла пальто и, надев тапочки, прошла на кухню. «Так... Слава Богу, бутылки нет, еще не успели выпить», — первым делом подумала она.

— Здравствуй, Катя, — сказал неожиданный гость, сидевший в теплом свитере, несмотря на духоту в квартире.

— А, Дима, — узнала Катя давнишнего друга своего мужа. — Ну, здравствуй... Вы идите в зал, побеседуйте, а я приготовлю ужин, — проговорила она как можно дружелюбней.

А сама подумала: «Я же билеты в театр купила, неужели придется отменить? А может, все-таки скоро уйдет? Когда наша жизнь перестанет зависеть от гостей?»

Вздыхнув, Катя надела поверх делового серого платья фартук и стала убирать со стола.

Вскоре в двери вновь повернулся ключ, и в квартиру с довольным видом протиснулась полная круглолицая Антонина Сергеевна, Катина мама. В одной руке у нее была сумка с какими-то папками, в другой — с продуктами.

— Ха! Миллионеры! Целый день у них свет в коридоре горит, — сказала Антонина Сергеевна и, запнувшись о ботинки Дмитрия, прошла к тумбочке, чтоб поставить тяжелые сумки. — Что за дела? Откуда эти ботинки?

Она прислушалась к разговору в гостиной.

— Пардон, оказывается, ботинки гостя, — извинилась перед самой собой Антонина Сергеевна и, засучив рукава цветастого платья, брезгливо, двумя пальцами поставила ботинки в общий ряд.

— Фу, — проворчала она себе под нос. — Бросили грязный рюкзак прямо на мои нарядные туфли, помяли.

Схватив рюкзак, она пихнула его подальше в угол и заглянула в гостиную.

— А, это ты, Митяйка! Ну, здравствуй, какими судьбами? Где пропадал так долго?

— Да так... Все некогда было, ехать далеко, да и дел здесь никаких, вот и не приезжал, — ответил Дмитрий как есть, не поняв скрытой иронии Антонины Сергеевны.

— А что же тебя сейчас-то привело?

— Камни в желчном пузыре. На операцию приехал.

— Ну, ладно. Чувствуй себя, как дома, — приветливо сказала она, а про себя добавила: «Что еще остается, если ты уже развалился на моем диване».

Антонина Сергеевна прошла на кухню. Женщины выразительно переглянулись.

— Мам, — начала разговор Катя, — Петю не трогай, он не виноват.

— Да что ты мне говоришь, Котик, — мать говорила так, чтоб ее не было слышно в комнате. — Он одну ночь переночует, а мне целый комплект белья за ним стирать. А кормить его...

— Он карасей с собой привез, — вставила Катя.

— Тоже мне, — ответила мать, заглядывая в сеточку, — один-два раза уху сварить. Он-то, небось, не два раза будет у нас питаться?.. Посолила варено-то свое?

— Это полуфабрикат. Он и так с приправой.

— Еще не известно, будет ли он есть эту бурду. У них в деревне все натуральное... Расселся там пропыленными в дороге штанами. Убирай за ним потом. Трудно мне, понимаешь? Уже шестьдесят лет, а я все еще работаю.

— Мы все работаем, — Катя выпрямилась. — Я, между прочим, даже научный работник. А Петя зарабатывает в несколько раз больше, чем мы с тобой. Это он нас кормит, а не ты. Сиди дома, раз тебе так трудно.

— Ох, какая же ты глупая, — ответила Антонина Сергеевна. — Петины деньги пошли на квартиру — мы бы с тобой действительно ни в жизнь столько не заработали. А моя зарплата уходит на еду. Если бы я не указывала вам, куда класть деньги, на что их тратить, вы бы все раскидали налево-направо и ходили бы сейчас без жилья, работали на съемную

квартиру. Так что молчи. Твоей-то зарплате тебе одной, еще не известно, хватило ли бы на неделю?

Катя возмущенно округлила глаза, но спорить с матерью не стала.

— Сегодня мы с Петей и Мариной собирались в театр, — сменила она тему.

— Да? Спасибо, Котик, а то я не знала! А я, значит, должна оставаться и целый вечер развлекать бывшего друга твоего мужа?

— Мам, — вскинула руки Катя, — с тобой невозможно разговаривать!..

— Тише. Маринка пришла, — остановила мать Катю. Выражение лица ее смягчилось.

Было слышно, как Марина в коридоре скидывает свои сапоги.

— Ба! Где мои тапочки?

Антонина Сергеевна коротко хохотнула и выскочила в коридор.

— Гость у нас. Митяйка. Он, наверное, и надел.

Девочка-подросток с крашеной челкой выпучила глазки и стала доставать из тумбочки для обуви туфли на шпильках.

— Только не эти, моя дорогая, — воскликнула бабушка.

— Почему?! — искренне удивилась внучка.

— Не видишь, какие каблочки острые? Линолеум порвешь, кто нам новый постелет?

Девочка снова выпучила глаза, однако послушалась, достала кроссовки. Бабушка вновь хотела вмешаться, но передумала.

С видом человека, выбившегося из сил, Марина доплелась до зала и буквально повалилась в кресло.

— Здравсьте! — бросила она незваному гостю, не удосужившись даже взглянуть на него.

— Здравствуй, Марина. Как учеба? — добродушно спросил Дмитрий.

— Нормально, — ответила Марина, включая телевизор. «Когда он уйдет? Чего сидит? Тапочки мои напялил...»

Отец принялся расспрашивать Дмитрия о давних знакомых, но Марина зло оборвала:

— Па! Я телевизор смотрю. Идите разговаривать в другую комнату.

Наступило напряженное молчание. Дмитрий чувствовал, что следует распрощаться и уйти отсюда восвояси, но идти ему было некуда, и он вынужденно остался сидеть на месте.

Наконец, Катя позвала всех к столу.

— Интересная у вас еда. Зарубежное производство? — спросил Дмитрий, пытаясь нарушить угнетающую тишину.

— Вам, деревенским жителям, наверное, непривычна такая пища, а мы вот так и питаемся. Всякие суррогаты, полуфабрикаты, — кудахтала Антонина Сергеевна.

«Не нравится — приноси с собой мяса да рыбы», — подумала она.

— Да шутит она, — заявил Петр. — У Катиных родственников из улуса покупаем.

Теща чуть не поперхнулась.

— Правду говорят, что село город кормит, — сказал Дмитрий, уплетая ужин за обе щеки. — Кстати, у нас люди говорят, что Якутск — город бюрократов: все там чем-то заняты, а производства никакого нет, живут на всем готовом.

— Если здесь живут одни бюрократы, то зачем же вы сюда приехали? — сказала молчавшая все это время Марина. — Между прочим, вся республика приезжает к нам лечиться.

Лица матери и бабушки так и засияли: «Умница, дочка! Не в бровь, а в глаз!»

— Хе-хе-хе! — рассмеялся довольный отец, ласково глядя на торжествующую дочь. — Мат тебе поставила моя Маринка!

Дмитрию стало не по себе. Он все больше чувствовал, что здесь он лишний. Он бы ушел отсюда, но было уже поздно, да и идти было некуда.

После ужина Марина закатила истерику по поводу того, что они не идут в театр.

— Сиди, даже не плачь, — сказала бабушка.

— Пик-пик-пик! — ответила внучка, позвонила двум подружкам и, выхватив у протестующей бабушки билеты, выбежала вон.

Гостя рано уложили спать со словами: «Устал, наверное, с дороги».

Назавтра Дмитрий почувствовал обострение болезни. Заставив себя подняться, он отправился в больницу. С утра шел прохладный мелкий дождик. Петр смотрел в окно и вспоминал, как в детстве, набегавшись под таким дождем по лужам, он заходил домой. Мать делала вид, что сердится, а сама заботливо укутывала его лоскутным одеялом, и он сидел в этом уютном тепле, потягивал из кружки горячий чай и слушал шум дождя.

— Вот и лег Митяй-дружище в больницу...

— Кто его знает, наверняка еще какие-нибудь анализы надо сдавать, — печально вздохнула Катя, потом мягко прикоснулась к ладони Пети.

— Петь, я очень хорошо понимаю, что вы когда-то с Димой были не разлей вода. Но что общего у вас теперь? Я очень прошу, больше не приводи его домой, — неожиданно жестко закончила она.

Тем временем до сдачи дополнительных анализов Дмитрию отказали в стационаре. Вымокнув под дождем, он вернулся обратно к Петру.

— До свидания, Дима, — мило улыбнулась спускающаяся по лестнице Катя.

У Петра был усталый вид.

— Слушай, Митяй, — неожиданно начал он, — у тебя, вроде, двоюродная сестра в Якутске была.

— Здесь она, в городе, — Дмитрий понял, насколько он здесь нежелателен. — Вчера к ним было пошел, но там у зятя юбилей. У самих гостей полно, а тут еще я без приглашения.

— Мить, ты не обижайся. Я рад, что ты приехал. Думаешь, за столько времени ни разу не скучал, не вспоминал родные места? Еще как скучал. Просто Кате не нравится, когда у меня гости.

Митяй промолчал.

— Если тебе некуда уходить, то оставайся. Тяжело мне это. Сам знаешь, после смерти матери я потерял связь с родиной. Просто не к кому стало ездить. Вот уже больше двадцати лет Катина родня — моя семья. Я не хочу портить отношения с женой, — Петр погладил большой ладонью лысую голову.

Будь Дмитрий моложе, он бы ушел, хлопнув дверью. Его охватило чувство обиды, но он понимал, что не имеет права на эту обиду.

В обед вся семья Петра была в сборе.

— Ну и семейка у Митяя, — удивлялась Антонина Сергеевна. — Брата своего на юбилей не пригласили.

— Ба, прости меня, — подошла помириться с бабушкой Марина.

— Ну, конечно, моя девочка, — обрадовалась Антонина Сергеевна. — Ты моя умница, дай я тебя поцелую.

Петр сидел на диване. Справа к нему прижалась Катя, слева — веселая Маринка в обнимку с бабушкой.

Поднявшись на четвертый этаж старенькой хрущевки, где жила его двоюродная сестра, Дмитрий услышал за дверью шаги и смешок. Значит, хозяйка дома. Он нажал на звонок. В квартире наступила полная тишина, к двери никто не подошел. Он нажал еще и еще раз. В какой-то момент ему показалось, что кто-то хохотнул. Напоследок Дмитрий еще раз нажал на звонок и отправился восвояси.

Дождь прекратился. Над городом нависли тяжелые серые тучи. Дмитрий попытался устроиться в гостинице, но цены кусались, да и мест не было. Он пошел на остановку, чтоб поехать в аэропорт и переночевать там. Снова он вспомнил тех, к кому он мог бы пойти, но никогда не пойдет. Дмитрий понимал, что он не нужен не только там, но и везде, куда бы он ни пошел.

На остановке стояла миловидная девушка. Из вечерней мглы появился автобус, девушка юркнула туда. Точно, в ту сторону едет. Дми-

трий неожиданно для себя шагнул в автобус. «Да ладно, — успокаивал он себя, — я только узнаю, как и что...»

Было уже довольно темно, когда он вышел из автобуса. Вдалеке показалась та самая двухэтажка. Дмитрий зашел в подъезд.

За стеной было слышно, как что-то шипит на сковородке и разговаривают парень с девушкой. Собравшись с духом, Дмитрий тихонько постучал. Дверь распахнулась, на пороге появился жилистый скуластый парень — такой же, как он сам в молодости. Глаза парня смотрели внимательно, изучающе. «Это у него от матери», — подумалось Дмитрию.

— Здравствуй, Саша, — Дмитрий опустил глаза.

Саша узнал его. Вернее, догадался, кто перед ним. Только не знал, как обратиться к гостю. Отец? Нет, много чести для него. Папа? Он не привык пользоваться этим словом. Может, Дмитрий? Как-то нехорошо.

— Здравствуйте. Проходите, не через порог же разговаривать.

Дмитрий переступил порог. Он молча стоял в тесной прихожей. Пахло оладьями.

— Садись, — указал ему Саша на стул.

Он не успел сесть, как из кухни вышла разругавшаяся от жара печи Мария. Дмитрий опустил голову и внутренне напрягся.

— А... Митя пришел, — сказала Мария. — Чего хотел?

— С сыном хотел встретиться... — пробормотал под нос Дмитрий. Он еще сильнее наклонил голову и оперся плечом о косяк.

— Ну, так проходи, что стоишь? — пригласила Мария.

Из-за ее плеча выглянуло хорошенькое девичье личико и с нескрываемым интересом уставилось на Дмитрия.

— Это... познакомься... — Саша указал на отца и запнулся, не зная, как его назвать, потом указал на девушку. — А это Наташа.

Девушка вышла из-за спины Марии и встала рядом с Сашей. Коротенький халатик не скрывал округлого животика.

— Сашина жена, — прощепетала она. — А вы?

— Дмитрий, — улыбнулся в ответ Дмитрий. — Сашин отец.

— Вот как, — промолвила Наташа и взглянула на свекровь.

— Ладно, Наташа, переверни оладьи, а то пригорят.

— Ага, мам, — проговорила Наташа и ушла на кухню.

— Вот так и живем, — сказала Мария. — Дети учатся в университете, я все там же работаю. Ну, чего встал-то? Раздевайся, проходи.

Дмитрий, внезапно осчастливленный, скинул куртку, ботинки и в одних носках прошел в комнату.

— Это мамина комната, — Саша показывал ему квартиру.

Здесь царили чистота, порядок и уют. Стояла железная койка со светлым покрывалом, рядом с ней — желтый комод и большое зеркало. На стене висели громко тикающие часы.

— А здесь живем мы, — продолжал Саша.

В этой комнате были диван, два кресла, маленькая местная стенка, телевизор на табуретке, старенький видеоплеер. Стол был захламлен книгами, журналами, кипами бумаг. Дмитрий сел в кресло. Он молчал, не находя темы для разговора. Саша с Марией сели на диван.

— Посмотри, каким стал мой Саша. Скоро окончит университет. В прошлом году, как видишь, женился. Невестка хорошая, хозяйственная. А ты-то как живешь?

Разговор получался принужденным. Дмитрий очень смущался, но отвечал на все вопросы, рассказывал новости. Мария торжествовала: она была горда своим сыном, говорила о его успехах. К этому чувству примешивалось еще и другое, но Мария сама не могла определить, что это.

Вскоре пошли ужинать. Дмитрию бросились в глаза стены кухни, обитые старой клеенкой, полки, выкрашенные синей масляной краской. «Видно, что мужчины в доме нет, — подумал он. — Я бы здесь привел все в порядок».

— Эх, вкусные оладушки! — вырвалось у Дмитрия, истосковавшегося по домашней выпечке. В этот момент ему от всей души захотелось остаться здесь.

Дмитрий все ждал, когда ему скажут, что поздно и ему пора уходить. Но так и не сказали, поставили раскладушку на кухне...

Наступило тихое солнечное утро. Он съездил в больницу, сдал все анализы, купил в магазине теплый хлеб, колбасу, мандарины, коробку конфет и в приподнятом настроении отправился к Марии.

Дома стояла уютная тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов. Дмитрий, почувствовав себя хозяином, даже не раздеваясь, направился к холодильнику и, не вынимая из пакета, засунул продукты внутрь.

В комнате сидел Саша.

— Ты сегодня не учишься?

— А у нас вторая смена.

Дмитрий снял куртку и набросил на вешалку. Та, не выдержав, рухнула на пол.

— Плохой же ты хозяин, Сашка, — постыдил он сына. — Ты бы хоть вешалку приладил.

Саша взглянул на него исподлобья.

— Давай сюда инструменты, что ли, — скомандовал Дмитрий, засучив рукава.

Саша нашел молоток с болтающимся набалдашником, несколько кривых ржавых гвоздей, перочинный нож.

— Другого ножа не нашлось? — кинул Дмитрий обратно перочинный.

— Нет, — сухо ответил Саша, засунул руки в карманы и отвернулся.

— Ну, ты даешь, — не унимался Дмитрий. — Надо покупать хорошие инструменты и хранить их в одном месте.

— И это мне говоришь *ты*? — выпрямившись, Саша уставился на отца.

Дмитрий впервые в жизни проигнорировал начинающийся конфликт. Как ни в чем не бывало, он стал приколачивать вешалку, показывал и объяснял, что и как надо делать.

— Все, подергай-ка, вот так она должна держаться, — и рассмеялся, больше от того, что ему самому было неловко.

Саша понял, что наступил момент, когда стоило бы высказать отцу годами копившуюся обиду.

— Послушай, почему ты... — начал он, но слова застряли в горле. Он больше не мог говорить. Глаза наполнились слезами.

— Саша, я был тогда молодым и глупым. Потом жалел, что потерял вас. Я знаю, что виноват перед тобой и перед мамой.

Обида, копившаяся годами, как бы Саша ни старался сдержаться, хлынула из глаз солеными ручьями.

— Мне не нужно твое раскаяние спустя столько лет. Мне нужен был отец, когда я был ребенком.

— Я знаю. Теперь уже ничего не изменить, — Дмитрий помолчал, подумал, потом решился спросить. — Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Нет! — воскликнул парень и, чтобы сгладить неловкость, тут же продолжил. — Куда ты пойдешь? Да и подумай, что я матери скажу? Что прогнал тебя? — Саша утерся рукавом. — Ты побудь здесь. Скоро мама с Наташей придут, а мне на занятия пора.

Дмитрий нашел в холодильнике холодный суп и разогрел его, нарезал хлеба, колбасы, схватил с полки первую попавшуюся миску и выгрузил туда мандарины, высыпал из коробки конфеты. Потом, подумав, засунул эту мисочку в холодильник.

Вскоре пришли Наташа и Мария. Втроем пообедали. Наташа стала мыть посуду.

— Мам, а где миска? — раздался ее удивленный голос.

— Куда ж она запропастилась?

Тут Дмитрий спохватился и вытащил миску с содержимым из холодильника:

— Может, эта?

Женщины посмотрели на него, потом друг на друга и расхохотались. Назавтра Дмитрий получил результаты анализов. В больнице его ждали в понедельник. Он вернулся обратно. Марии и Саши не было.

— Дядь Мить, помоги принести воды, постирать хочу, — попросила его Наташа.

Она проводила Дмитрия к водокачке. Девушка весело щебетала, легкая и беззаботная, как птичка. Воду согрели на печке. Наташа дала Дмитрию задание помыть пол.

Он заканчивал протирать дальнюю комнату, когда с кухни послышались грохот, шум падения и тихий стон. Дмитрий ринулся туда. Наташа лежала посреди кухни на боку: ее придавила упавшая стремянка. Дмитрий отбросил стремянку и окликнул Наташу. Девушка не отвечала. Дмитрий не знал, что ему делать. Пульс был, она дышала... Секунду помешкав, Дмитрий потрогал живот. Он был твердый, как будто надутый. Вдруг рука почувствовала сквозь кожу толчок маленькой острой пяточки. «Мой внук жив», — обрадовался он. Схватив Наташу в охапку, Дмитрий отнес ее в комнату и положил на диван, а сам побежал искать телефон.

«Скорая» приехала через несколько минут, Наташа к тому времени уже пришла в себя. Осмотрев ее, врач сказал, что все в порядке, но необходимо обследование. Наташу увезли.

Мария с сыном пришли одновременно, в полном оцепенении прослушали сбивчивые объяснения Дмитрия. Саша тут же помчался в больницу. Мария без сил опустилась на стул рядом с Дмитрием. Она просила снова и снова рассказать, как все случилось, а он утешал ее, уверяя, что все обойдется.

Наконец, вернулся Саша.

— Ну, что с Наташей? — вскочила навстречу Мария.

— В больницу не пустили, — сказал Саша. — Я через черный ход прошел, встретился с ней. Наташа в порядке, ходит... Ничего не болит, говорит, испугалась только. — Саша слабо улыбнулся. — Не будь дома... отца, она так и пролежала бы до нашего прихода. Если все будет хорошо, в понедельник ее выпишут.

В понедельник Саша не пошел на учебу, Мария отпросилась с работы. Дмитрий отправился госпитализироваться, а Мария и Саша — забирать Наташу из больницы.

Наташа вышла — веселая и легкая, как всегда. Муж и свекровь, встретив, с обеих сторон подхватили ее под руки. Дмитрий остался у входа в приемное отделение.

— Пап, — обернулся к нему Саша, — мы тебя навестим.

— Скорей выздоравливай, — весело протараторила Наташа.

А Мария, смеясь, проговорила:

— Выпишешься — возвращайся домой. Будем ждать.

Они втроем уходили по больничной тропинке, и, глядя им вслед, Дмитрий вдруг понял, что это — его семья: жена, сын, невестка и будущий внук.

Он вдохнул полной грудью свежий осенний воздух. Словно прощая его прежние грехи, земля покрывалась первым снегом...